

У него были противники, но не было врагов

Отец Густав Андрей Веттер (1911—1991)

Отец
Густав
Андрей
Веттер.

5 ноября прошлого года в Риме почила Густав Андрей Веттер, крупнейший специалист по русской философии и критик-исследователь советского диалектического материализма. К России, ее судьбе, ее интеллектуальной и религиозной жизни о. Веттер был обращен с самого своего юности. О. Веттер надеялся еще в 20-х годах поехать в Россию, чтобы оказать ей духовную помощь. Поехать он не смог.

Отец Веттер родился в 1911 г. недалеко от Вены и уже в гимназии стал изучать русский язык. В 1930 г. о. Веттер поступил в римскую семинарию «Русскому», где среди его профессоров был поэт и философ Вячеслав Иванов. В Григорианском университете о. Веттер изучал философию и богословие. В 1935 г. он был рукоположен в священники, в следующем году вступил в монашеский орден иезуитов. Диссертация о. Веттера, завершившая его образование в Папском Восточном институте в Риме, называлась «Метафизика всеединства Л.П.Карсавина» (настично опубликована в 1943 г.). В 1947—54 годах о. Веттер исполнял должность ректора «Русского», в 1947 г. профессорствовал в Восточном институте, а с 1954 года — в Григорианском университете. В последнем в 1970 году он основал центр по изучению марксизма.

После диссертации о Карсавине о. Веттер продолжал изучать философскую систему русского мыслителя (последний вариант жизни и философии Карсавина см. в кн. А.А.Васильева. Два года в Абиссинии. В память о Л.П.Карсавине. Брюссель, 1990). Отец Веттер также познакомился с Карсавиным и вступил с ним в переписку — она подготовлена к печати и ждет опубликования.

В 1948 г. было издано фундаментальное исследование о. Веттера «Советский диалектический материализм», ставшее знаменитым.

Книга вышла в момент наивысшего подъема итальянских коммунистических сил — возмужавших был их приход к власти через победу на выборах. Для духа этого времени было показательным, что глава и владелец издательства Эйнауди, придерживавшийся коммунистической ориентации, в специальном предисловии оговаривал, что публикует книгу о. Веттера, «преодолев свое фундаментальное несогласие с вступлением и заключением автора». В заключении к капитальному систематическому и историческому изложению марксистской диалектики о. Веттер оспаривает корректность использования советскими философами термина «материя»: концепция материи в употреблении советских философов, доказывает о. Веттер, «полностью меняется, ей приписываются предикаты не только духовные, но и прямо божественные. Таким образом возникает непреодолимое и фундаментальное противоречие, которое доминирует во всей системе». Диалектический материализм, отмечает далее о. Веттер, в философии видит инструмент, чтобы делать и оправдывать политику и соответствующую тактику, это не собственно философия, но скорее теория политики.

Друзья о. Веттера вспоминают, что у него были противники, но не было врагов. За его удивительный дар христианской любви в отношении к противнику некоторые прозвали его «духовным оптимистом». В своем соболезновании по поводу смерти о. Веттера Папа Римский Иоанн-Павел II отметил, что философские труды о. Веттера раскрывали дорогу к новому пониманию восточной и западной духовной и интеллектуальной традиции, поднимая научный диалог над ограниченностью человеческих мировоззрений.

Андрей ШИШКИН

— Отец Веттер, расскажите, пожалуйста, как Вы пришли к идее заниматься русской духовностью и философией, помогать России, как Вы оказались среди первых учеников римской семинарии «Русскому»...

— Русский язык я стал изучать, когда мне было 14 лет, это был 1925 год. Еще до этого я стал интересоваться положением дел в России. Это было в то время, когда борьба против религии в Советском Союзе шла очень интенсивно. С детства я думал, что истинная цель моей жизни — стать священником, а тогда, во второй половине 20-х годов, мой интерес обратился к России. Мне пришла идея, став священником, освоить какое-нибудь ремесло, чтобы с помощью его поехать на работу в СССР. Я думал стать автомехаником. С этой идеей я ждал несколько лет. После того, как я получил в школе аттестат зрелости, я мог пойти учиться дальше в духовные заведения Венской епархии, но знал, что после этого вряд ли попаду в Россию. Я не имел никаких связей, но неожиданно встретился со священником, который знал положение дел в Риме и дал мне адрес епископа д'Эрбинья, чтобы я к нему обратился. Вы знаете, д'Эрбинья в то страшное время возглавлял работу католической миссии в России. Это было в феврале 1930 года.

Я думал: на каком языке мне писать д'Эрбинья? Я не знал, владею ли он немецким языком, сам я не умел писать по-итальянски, и подумал: «Раз епископ имеет дело с Россией, он должен знать русский язык». — Клян, я написал ему письмо по-русски! Там я изложил все свои планы и намерения и через некоторое время получил ответ от ректора «Русского», о. Яворски (он был словач, после войны оказался в лагере Абиссинии, где много разговаривал с Карсавиным, но это уже другая история).

В ноябре 1930 года я поступил на первый курс семинарии «Русскому», мы посещали также лекции в Григорианском университете. Два года мы изучали философию и четыре — богословие. Но дело не шло вперед с моими русскими планами. Я долго не мог расстаться с моей мечтой — поехать в Россию в качестве рабочего и заниматься там проповедью Евангелия. (В те годы и позднее ряд католических священников из «Русского» нашли способ поехать в Россию. Целью их было духовно бороться с государственным атеизмом. Многие из них мученически погибли в сталинских лагерях. — А.Ш.) Первые летние каникулы в Риме, после первого курса «Русского», я месяц проработал в гараже — все хотел стать квалифицированным механиком. Мое желание поехать в Россию было так сильно, я так много думал об этом, что помнялся, как-то раз, когда меня позвали к ректору семинарии, я совершенно был убежден: ну вот, сейчас меня отправят в Россию...

После краткого пребывания в Югославии я опять стал жить в «Русском» и учиться в Восточном институте — там начался мой интерес к русской философии. Курс занятий в институте был рассчитан на три года — и четвертый отводился на работу над диссертацией. Так что я кончил учиться в Риме в 1941 году.

Меня крайне интересовала русская религиозно-философская мысль, главным образом, Владимир Соловьев. Я имел намерение посвятить свою диссертацию проблеме всеединства у Соловьева; вообще от решения проблемы всеединства, как я писал в введе-

нии к моей докторской диссертации 1941 года, зависит объединение восточной и западной религиозных традиций. Но мой профессор сказал: «Опыт диссертации у Соловьева! Все хотят писать о Соловьеве, возьмите другого автора!» И предложил мне заняться Карсавиным, у которого вопрос о всеединстве также стоит в центре философской системы и мышления. Итак, я выбрал Карсавина, читал все доступные его сочинения, к осени 41-го года закончил диссертацию, которая называлась «Метафизика всеединства Л.П.Карсавина».

В 1943 г. в Папском Восточном институте в Риме я начал читать курс истории русской философии. Я продолжил мои занятия Карсавиным. В определенном месте моего курса я должен был говорить об истории марксистской мысли в России, начиная с дореволюционного периода. В 1944 г. я читал ряд лекций, посвященных русскому и советскому марксизму, на следующий год мне пришла в голову мысль из этих лекций составить книгу, в 1948 г. первое издание моей книги вышло в свет в известном издательстве «Эйнауди», которое в то время придерживалось достаточно левой ориентации, почти партийно-коммунистической.

— Ваша книга была скорее критикой марксизма?

— В моих книгах я всегда отличал изложение от критики. Сначала я старался как можно более объективно изложить теорию, а потом — сопоставить ее критическими замечаниями. Книга стала пользоваться чрезвычайным успехом... меня вдруг стали считать знатоком коммунизма.

...Среди моих источников был также известный учебник диалектического материализма Маттеи. Когда мы в 1958 г. должны были встретиться на международном философском съезде в Миттави, я подготовил для него приветственную фразу — я хотел сказать ему, что мы обмениваем друг друга своей знаменитостью, я — ему, потому что его книга была моим главным источником, а он — мне, потому что он стал таким образом известным на Западе. Когда мы встретились, едва я сказал ему первую половину подготовленной фразы — он вдруг ответил: «А я обязан своей знаменитостью вам!»

После итальянского издания книги вышло еще четыре издания на немецком языке (последнее в сильно переработанном виде), а теперь я узнал о переводе ее даже на китайский...

— Как развивалась советская марксистская философия?

— До 1931 года эта философия была интересной... Тогда пользовалась влиянием теория исторического материализма Бухарина, на ней воспитывалось целое поколение советских марксистов. 25 января 1931 г. сталинский ЦК осудил «левые и правые уклоны», установил генеральную линию в области философских наук, кончилось свободное обсуждение, началось догматизирование... В приложении к моей книге я дал точный перевод этого постановления.

— Как Вы думаете, после смерти Сталина произошло возрождение того прежнего, живого марксизма?

— После XX съезда настоящих дискуссий не было. До последнего времени ничего нет. Только переменяли некоторые детали, а мертвый дух остался практически все тот же. Я один раз сказал какому-то советскому философу, что их метод не философский, а богословский. Не ставится во-

прос о том, является данное предположение истинным или ложным. Ставится вопрос о том, находится ли это предположение в пределах духовного сокровища основателя. Это же средневековый богословский метод!

Мой курс по русской философии я как-то читал по-английски в программе летних курсов Фордхэмского университета в Нью-Йорке; я работал как каторжник, — летом в сыром, жарком Нью-Йорке приходилось читать каждый день по две лекции на протяжении шести недель, да еще на моем новорожденном английском языке — я изучал его до этого на протяжении всего трех месяцев! По материалам одного из моих курсов о немалой книге на немецком языке о немарксистской философии в странах Восточной Европы, она еще не вышла из печати. Мне было важно в ней выразить свою мысль, что русская философия, даже в некоторых отношениях и советская философия, является продолжением античной философии, продолжением, по некоей магистральной линии, философии греческой и патристической, греческого мышления. Это я заключал на основании присутствия в русской философии идеи всеединства, идеи мира реального и идеального.

— Когда вы первый раз увидели Вячеслава Иванова в «Русском»?

— Иванов часто бывал в «Русском». Помню, как в первые годы моего пребывания в семинарии Иванов читал доклад о символизме, и этот доклад произвел на меня очень большое

впечатление. Мне запомнились цитированные им строки Гете «alles vergänglich ist nur ein Gleichnis» («все преходящее только притча, подобие»). Доклад этот остался у меня надолго в памяти...

Сильное впечатление осталось у меня от рассказа Иванова об одном из главных принципов символизма — восхождении ad realibus a realiora — от реального к более реальному. Эти два принципа мне врезались в душу. Символизм в моем личном мышлении стал играть очень важную роль.

— Иными словами, по формулировке Флоренского, в символе присутствует само символизированное...

— Суть таинства — что символы производят то, что символизируют. Вячеслав Иванов также читал в институте лекции по старославянскому и церковнославянскому языкам. И он заставлял нас изучать оба языка: церковнославянский на фоне старославянского. На домашнем семинаре на виа Леон-Баттиста Альберти у Вячеслава Иванова я читал доклад об идее Матери Сырой Земли и параллели ее в русских литургических книгах. Иванову так пришлось мой доклад по сердцу, что он расцеловал меня и сказал, что счастье, что преподавание курса истории русской философии поручено именно мне. Он меня благословил на подвиг занятия русской философией.

Интервью взял (в 1989 г.) и подготовил к печати АНДРЕЙ ШИШКИН

НОВИНКА

МАТЬ МАРИЯ СКОБЦОВА

(1891-1945)

СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ВОСПОМИНАНИЯ — в 2-х томах —

(Всего 37 статей, из которых многие печатаются впервые).

том I — Автобиографическое. О почитании Богоматери. О монашестве и аскетизме. Христианство и социальный вопрос. Христианство и вопросы политики.

329 стр.

цена : 120 фр.

том II — Русская идея.. В поисках синтеза. Настоящее и будущее Церкви.

384 стр.

цена : 120 фр.

Впервые собрано религиозно-философское и литературно-общественное наследие матери Марии Скобцовой — поэтессы, городского голого, видного деятеля «Русского Студенческого Христианского Движения», монахини, проложившей новые пути в области христианского созидательства, защитницы обездоленных, погибшей мученической смертью в немецком лагере.

Заказы направлять по адресу : LES EDITIONS REUNIS,
11 rue de la Montagne-Ste-Genevieve, 75005 Paris, France.

24
ИЮЛЯ
1992
№ 3939

M0706 - 3939 - 8,00 F

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Еженедельник, выходит по пятницам.
24 juillet 1992. Quarante-sixième année.

LA PENSÉE RUSSE

Редация и контора: 217, rue du Faubourg St. Honoré, 75008 Paris.
Тел.: 42.25.56.81, 42.25.57.94. Почт. счет: С.С.Р. 5883-44 К. Paris.

Александр Некрич

«Парламент» атакует свободу печати

Несколько дней тому назад Верховный совет Российской Федерации подавляющим большинством голосов постановил вернуть газету «Известия» в свое лоно, т.е. лишить ее статуса независимого органа печати.

Решение Верховного совета, если оно будет реализовано, означает конец независимости газеты с массовым тиражом. Свою независимость газета обрела меньше года тому назад, после провала августовского путча и начала демократической революции. До этого, начиная с марта 1991 года, она была официальным правительственным органом. В качестве независимой газеты «Известия», естественно, и повела себя независимо, открыто и основательно обсуждая острейшие проблемы становления новой демократической республики и высказывая свои суждения, как привыкли говорить, «независимо на лица». Линия газеты определенная: она поддерживает реформы, правительство и президента, хотя зачастую и довольно критически оценивает действия исполнительной власти и Верховного совета федерации. Но это и есть одна из главных обязанностей свободной прессы. Делая критика газетой тормозящего влияния, которое оказывает Верховный совет на проведение реформ и деятельность правительства Ельцина-Гайдара, публикация материалов о незаконном вмешательстве председателя Верховного совета в дела, подлежащие компетенции исполнительных органов, в том числе и просто милицисские дела (как, например, выделение из московских жилищ проживавших там чеченцев), вызвали безудержный гнев Р.Хасбулатова и его контратаку в виде безосновательного обвинения газеты в якобы колоссальной финансовой задолженности (на самом деле — прибыль), в утрате читательского интереса (в то время как тираж газеты, резко возрос) и пр. Защищаясь, газета подала искковое заявление в суд на Хасбулатова за распространение заведомо неправдивой информации о состоянии газеты. Конфликт обострился еще больше, когда 60 депутатов из разных парламентских фракций обратились к Верховному совету с призывом — назначить комиссию по расследованию некоторых действий председателя. Среди этих действий фигурировали использование государственных средств, в том числе и валюты для частной поездки в Италию, недопустимые выплаты по адресу членов правительства в интервью газете «Республика» (см. «РМ» от 17 апреля 1992), саморазглашение в член-корреспонденте Российской Академии наук, превысившие конституционные полномочия, в том числе попытки подмены исполнительной власти. (Подробнее см. «Новое время», № 23, 1992). Прямая, кто сказал: «Важно суметь сохранить человеческое лицо, особенно, если человек делает большую карьеру» (Русская Православная Церковь, М. 1991, с.14.). Предложение о создании комиссии для расследования действий Хасбулатова не собрало достаточного количества голосов в Верховном совете. Многие депутаты расценили это как попытку подорвать авторитет Верховного совета. На это все-таки присяжка.

Подлинная суть конфликта заключается в том, что Верховный совет хотел бы наложить узду на печать, на гласность, добытую многими годами борьбы.

Окончание на стр.5

В конце прошлой недели закончил очередной свой этап второй по значимости орган советской власти — Верховный совет Российской Федерации. Закончил исполнением дела, завещанного ему высшим пока органом — Съездом народных депутатов РФ, — «разобраться со средствами массовой информации».

Депутаты ВС так разобрались, что и неделю спустя им приходится отбиваться от настоящих журналистов. Улета 22 июля в Армавир, президент России отвечал на их вопросы в аэропорту:

— Если бы вы посмотрели первый вариант проекта решения Верховного совета, то там — помните? — а мы категорически были против этого — и его нет. Никое дело — по «Известиям». Отвержено говоря, по «Известиям» какого-то конкретного решения мы не оговаривали. Поэтому сказать, что они нарушили, — нет. Но я все равно такую формулу не признаю. И стою, и буду стоить на защите средств массовой информации, чтобы нам не потерять то, что мы с вами вместе нарабатывали.

Сначала был президиум

И короткое сообщение о нем, переданное главным информационным агентством страны:

На заседании Президиума Верховного совета России 13 июля был рассмотрен проект постановления

Верховного совета о газете «Известия».

Документ исходит из того, что, поскольку Верховный совет России является правопреемником Верховного совета СССР, именно ему должно принадлежать право на издание «Известий». По мнению авторов проекта, регистрация этой газеты после августовского путча как издания журналистского коллектива является «существенным нарушением Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации»».

С критикой этой точки зрения выступили на заседании Президиума главный редактор «Известий» Игорь Голембиовский, доказывавший, что, поскольку законы России имеют верховенство над законами бывшего СССР, ссылки на то, что коллектив «Известий» нарушил союзные законодательство, несостоятельны.

Члены Президиума не стали торопиться с одобрением документа. Он передан на рассмотрение парламентских комитетов и комиссий, мини-

ВЕСТИ С РОДИНЫ

Советская власть плюс электрификация...

стерства печати и информации и трудового коллектива «Известий». Тем не менее предполагается, что на Верховном совете вопрос будет обсуждаться в четверг или пятницу.

ИНАТ — ТАСС

Одновременно с этим в нескольких газетах, в том числе и в «Известиях», был опубликован проект постановления ВС РФ:

О газете «Известия Советов народных депутатов СССР»

22 августа 1991 года в нарушение действующего законодательства был прекращен выпуск газеты «Известия Советов народных депутатов СССР» (учредитель — Президиум Верховного совета СССР).

На базе государственного издательства «Известия Советов народных депутатов СССР» начала издаваться новая газета «Известия». Ее учредителем выступил журналистский коллектив газеты «Известия Советов народных депутатов СССР». Учреждение и регистрация газеты «Известия» проведены с существенным нарушением Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации».

Учитывая, что право учредителя — Президиума Верховного совета СССР, правопреемником которого на территории Российской Федерации выступает Верховный совет РФ, — на издание своего официального печатного органа нарушено, Верховный

совет Российской Федерации постановляет:

1. Поручить Президиуму Верховного совета Российской Федерации на базе издательства «Известия Советов народных депутатов СССР» и газеты «Известия Советов народных депутатов СССР» обеспечить выпуск газеты представительных органов власти Российской Федерации, рассмотреть и утвердить программу деятельности и устав редакции.

2. Поручить министерству печати и информации Российской Федерации оказать содействие ныне действующей газете «Известия» в приведении учредительных документов и регистрации ее в соответствии с требованиями закона, выделении необходимых помещений для нормального функционирования.

3. Принять к сведению, что по фактам выявленных нарушений действующего законодательства со стороны концерна «Известия» Прокуратурой Российской Федерации приняты необходимые меры преследования.

Председатель

Верховного совета
Российской Федерации
Р.И.ХАСБУЛАТОВ.

Проект второго постановления — «Об экономической поддержке и правовом обеспечении средств массовой информации» — опубликован не был, и о нем можно судить лишь по промелькнувшим в прессе словам Хасбулатова, изреченным на том же заседании Президиума: настало время «закрыть» некоторые статьи Закона о средствах массовой информации, а заодно и некоторые газеты, публикующие «всескупую чушь».

Но мы ограничимся лишь судьбой «Известия».

Окончание на стр.2-3

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: Словацкая пятница

На улицах
Братиславы
17 июля.

В пятницу 17 июля Словацкий национальный совет (республиканский парламент) торжественно принял Декларацию о суверенности Словацкой Республики. Этот шаг, с формальной точки зрения, ничего не меняет, поскольку суверенность обеих республик гарантируется конституцией ЧСФР. Но Владимир Мечар, словацкий премьер-министр, в программе своей победоносной партии Движение за демократическую Словакию объявил «суверенность» первым шагом на пути к независимому словацкому государству. (Вторым и практически окончательным станет через несколько недель принятие своей конституции и прекращение действия федеральной конституции.)

«Этой минуты мы ждали тысячу лет», — заявил В.Мечар, выступая в парламентских дебатах. При поименном голосовании за Декларацию проголосовало 113 депутатов, против — 24, воздержались — десять. Эти 34 депутата, проголосовавших против или воздержавшихся, принадлежат к Христианско-демократической партии и коалиции партий венгерского меньшинства. Перед зданием пар-

ламента их охватила не слишком многочисленная ликующая толпа. «Дайте им пройти», — обратился с балкона Мечар, — они уходят в прошлое». В ту же минуту зазвенели колокола всех католических храмов Словакии, приветствуя суверенность.

Словацкие депутаты поднялись выпить шампанского. Примерно в то же время в Праге, столице (все еще) Чехословакии, Вацлав Гавел одобрив свое решение подать в отставку с 18 часов 20 июля: «Я всегда хотел, хочу и в будущем создавать что-то хорошее на благо своих сограждан. Пост федеральной президентства уже не позволяет мне трудиться творчески и конструктивно...»

Вечером, когда в Словакии загорелись праздничные «костры суверенности», многие чехи плакали перед телевизорами, слушая прощальное выступление президента, за 74-летнюю историю Чехословакии занимавшего пост главы государства самый короткий срок — два года.

Окончание на стр.5

ИТАЛИЯ: Терроризм и политика (второй акт трагедии)

В воскресенье 19 июля Италию потряс новый взрыв, происшедший на Сицилии, но отдавшийся громовым эхом во всей стране да и за ее пределами. Генеральный прокурор Палермо Паоло Борселлино, после убитого два месяца тому назад Джованни Фальконе самый серьезный и активный враг мафии, погиб вместе с шестью телохранителями при взрыве машины, груженной взрывчаткой и поставленной недалеко от входа в дом, где живет мать магистрата. Машина взлетела в воздух ровно в тот момент, когда Паоло Борселлино, приехавший навестить мать, нажал на кнопку звонка. Сила взрыва была такова, что десятки людей были ранены, здания и стоявшие неподалеку машины сильно повреждены и улица разрушена на протяжении ста метров.

Паоло Борселлино должен был унаследовать пост, предназначавшийся Фальконе, пост, который тот не успел еще на самом деле занять, когда его убили. Теперь та же самая картина повторилась: о том, станет ли Борселлино главой специального отдела борьбы с мафией, еще шли споры, и справедливо будет отметить, что больше всего сопротивлялись его назначению — так же, как в прошлом назначению Фальконе, — их коллеги-судьи, члены Совета магистратуры. Также необходимо отметить самое важное, что есть во всей этой продолжающейся трагедии: Фальконе и Борселлино были серьезными знатоками мафии, долго с ней борющимися и изучавшими ее методы, структуру и людей, входящих в ее состав. Они были настоящими экспертами. Фальконе неоднократно говорил и писал, что нельзя предпринимать борьбу с мафией, не изучив сначала досконально ее историю, а главное — ее психологию и философию. Убийство Паоло Борселлино, хорошо знавшего, какая опасность ему грозит, но ни на минуту не отступавшего, представля-

Паоло Борселлино
на похоронах Джованни Фальконе.

ет собой еще одно доказательство правоты Фальконе.

Паоло Борселлино был женат, у него было трое детей. Легко представить себе горе его семьи, так же, как и горе семей охранявших его полицейских. Но в данном случае трагедия выходит далеко за пределы личных и семейных переживаний. Это еще один этап на пути попытки развалить Италию.

Окончание на стр.5